

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ,

*поэт, директор
Международного центра
сближения культур
под эгидой ЮНЕСКО*

ГЕОЛОГИЯ СТАЛА ДЛЯ МЕНЯ НАСТОЯЩИМ УВЛЕЧЕНИЕМ...

Из воспоминаний

...В 1943 году мама вышла замуж за Абдуали Карагулова, известного журналиста, одного из немногих выпускников КИЖа (Коммунистического института журналистики). Он был редактором областных и республиканских газет. Я никогда не слышал, чтобы он кого-нибудь хулил. И нас такими воспитал.

Наш дом никогда никому не был должен: обходились тем малым, что имели. И никому в помощи наш дом не отказывал. Ни большого национализма, ни малого (жузовского) в доме не было. Я узнал, что казахи делятся на три жуза, только придя на работу в Союз писателей. Спросил у отчима: к какому жузу я отношусь. Он ответил: «Фатима – из Большого жуза, Омар – из Среднего, я – из Младшего. Значит, ты сын всех трех жузов, настоящий казах». И с тех пор, когда меня спрашивали, из какого я жуза, у меня был ответ – из жуза «казах».

Он отговорил меня от поступления на факультет журналистики КазГУ, сказав: «Олжас, я много лет работаю. Лучше быть средним инженером, чем средним журналистом. Не ошибись...»

В итоге я поступил на нефтяное отделение геолого-географического факультета, о чём не жалею. Геология стала для меня настоящим увлечением. Пять месяцев трудился в геологической партии, когда проходил производственную практику в прикаспийских пустынях на Мангышлаке летом 1957 года. Мы искали выходы нефти в водных источниках, хотя сначала приходилось искать сами водные источники, потому что и они в пустыне – редкость. Пять месяцев в поле. Машина ГАЗ-51, в её кузове бочка с пресной водой, мешок муки и консервы «Килька в томате». С тех пор я эту кильку видеть не могу.

Но мне повезло почувствовать красоту моего края. Я сумел увидеть в этой совершенно изможденной, измученной пустыне затаённый смысл и прелесть. Как и с людьми: невзрачный на первый взгляд человек оказывается внутренне красив и щедро талантлив. Такими оказались и пустыни Прикаспия: стоило к ним внимательно и уважительно приглядеться, заглянуть в нутро, и выяснялось, что там несметные богатства.

Помню тему дипломной работы: «Механика образования соляных куполов Эмбинской нефтеносной структуры». Сделал работу совсем не ученическую.

Дело в том, что прежде считалось так: соляной купол растёт вверх под воздействием неизвестных сил и при росте разрывает нефтяные пласты. А я в своей работе это опровергал. Посмотрел разрезы множества месторождений и обра-

тил внимание на то, что соляной шток растёт тем быстрее, чем сильнее на него налегают пласты. Соль вздымается и происходит рост. По мере приближения к поверхности скорость роста замедляется. Уже нет того давления. Поэтому я выдвинул теорию, согласно которой чем больше давление на соляной шток, тем он быстрее растёт. И доказал её фактами и цифрами.

Профессор Брод, мой научный консультант в Москве, заведовавший кафедрой в МГУ, согласился с выводами. Но мой научный руководитель в Казахстане профессор Авров был против, посчитав эти выводы ошибочными. Арбитром в споре выступил декан факультета с запоминающейся фамилией Шмайс. Он вчитался в проект и попросил комиссию быть снисходительнее к юному «первооткрывателю». Я получил диплом.

А через десять лет в каком-то иностранном геологическом журнале появляется статья, которая один в один повторяет выводы моей студенческой работы. Американские геологи, исследуя соляные купола Южной Америки, предложили парадоксальный, но, как оказалось, точный механизм их образования и сделали заключение: это имеет большое практическое значение, поскольку под пластами земли, прорванными соляными куполами, собирается нефть.

Меня как раз это и привлекало сильнее всего в геологии. Не походы по степям и пустыням, не песни у костров, а разгадывание тайн, которые хранит земля.

Работая над дипломом, я обратил внимание на то, что соляной шток растёт очень быстро, когда на него налегают большие пласты земной коры. Они, встречая его сопротивление, рвутся, и соль вспучивается. И соляной столб рвется вверх. Но как только приближается к поверхности и давление уменьшается, скорость его роста сразу становится меньше. Такой парадокс существует в природе. Видимо, это относится и к литературе, а может, и к любому творчеству.

Мы работали в условиях жесткой цензуры и в борьбе с ней находили такие изощренные ходы, что настоящая литература прорывалась со страшной силой. Так было и в театре, и в кино, и в живописи. Вероятно, сопротивление рождает в человеке активность.

Поэзия – это неподдающийся точному материалистическому анализу дух поиска идеала. Идеал – это тот светлый горизонт, к которому прорываешься всю жизнь.

Счастье

В степи я понял, как нужна вода.
В совхоз возили воду из района,
в совхозе этом – тысяча людей,
уборка, жарко,
а воды – по кружке.

Мне поручили –
полистал отчёты,
проверил тектоническую карту
на площади в двенадцать километров:
геологом устроился в совхозе,
«Кустарь» – так меня звали все в отряде.

Я две недели исходил в маршрутах,
зачем-то рыл шурфы, брал образцы

и отмечал, что выходы пластов
отчётливы: мне местность помогала.

Расчёты сверил с данными бурения,
которое когда-то проводилось.
И вот вода – пласт влажного песка
всего в ста метрах,

пласт в антиклинали,
вершина от усадьбы в километре,
как раз у пятой тракторной бригады.
И я поехал в область добиваться
бурильной установки.

– Вы откуда?

– Я из Каратурского совхоза,
я сам геолог, наш отряд на съёмке,

директор попросил, мне поручили
помочь совхозу провести разведку,
найти им воду.
Кажется, нашёл.
Вот все расчёты.
Небольшая вышка,
и будет море.
Я не ждал отказа:
так был уверен в правильности дела,
и мне не отказали. Всё как в сказке.

Мы пробурили эту сотню метров
в пять смен и, прочно подогнав обсадку,
пробили пласт.

Вокруг толпились люди,
на лошадях примчались бригадиры,
завхоз, бухгалтер,
кто-то норовил
подъехать к месту прямо на комбайне,
ему махал сурово кулаком
взволнованный директор.

Мы пробили.

Фонтан.
Вначале мутный.
Всё светлее.
Меня схватил директор: «Ну, геолог,
проси что хочешь. Помогли совхозу.
Даю отряду двадцать пять овец.
Тебе – оклад трёхмесячный. Спасибо!»

Вдруг оживленье спало. Замолчали.
И кто-то крикнул:
– Да она солёна!..
«Не может быть!» – Я бросился к фонтану,
лицом зарылся в ствол воды – солё-ё-на!

Директор закурил:
– Ну что ж... Бывает...
Земля – не книга, сразу не прочтешь.

Вода хлестала метров на пятнадцать,
она стояла словно ствол березы
в пустынной, плоской, выжженной
степи,
и радуга переливалась в струях.
Позорная, ненужная вода!..

Тот любопытный всё же подобрался,
сошёл с комбайна
пыльный, загорелый,
промок и –
улыбнулся мне счастливо,
по-детски ослепительной улыбкой.
Все, все

вдруг зашумели и полезли
купаться прямо в кепках и одежде.
И лишь директор отошел в сторонку,
он скинул полотняные штаны,
стянул рубаху с вышивкой и бодро
засеменил к купающимся.
Вот же
как может измениться настроение.

И, глядя на счастливых бригадиров,
я утирался мокрым рукавом,
я вытирал солёное лицо,
смеялся, всхлипывал,
любил людей,
которые, не видя, что я плачу,
прощают искреннюю неудачу
и этим делают ещё больней.

...Но всякий раз, когда меня берёт
не за душу –
за горло чья-то воля,
я вспоминаю плачущее поле
и тот
великодушный мой народ.

1961

